

Римский митраизм

Роман Зуевский

Римський митраїзм

Роман Зуевський

Да зместу

(Окончание. Начало см. в №3)

Среди ученых, занимающихся изучением культа Митры, нет единства в решении вопроса о времени появления митраизма. Традиционной стала датировка появления митраизма в соответствии с трудом Плутарха «Vita Pompei», в котором говорится о том, что уже в 67 г. до н.э. Помпей победил киликийских пиратов, которые впоследствии присягнули ему на верность [Плутарх «Помпей» XXIV] (см. начало статьи в №3). И именно от киликийских пиратов в Риме появился, согласно античной традиции, культ Митры. Впервые на это обратил внимание Франц Кюмон в своей классической работе «Мистерии Митры». Однако сейчас при упоминании данного сообщения Плутарха исследователи обычно замечают, что Плутарх писал работу столетие спустя, в конце I в. н.э., будучи под влиянием своей эпохи. Таким образом, вполне вероятно, что дата более чем неточна.

С другой стороны, археологические памятники, относящиеся к культу Митры, в значительном объеме также появляются только в конце I в. н.э. Поэтому многие ученые-антиковеды считают, что митраизм в Риме появился в рамках этого столетия. Старейшая надпись с упоминанием Митры на территории Римской империи, доступная современным исследователям, является текстом на двух языках, сделанная вольноотпущенником Флавиев (69-96 гг. нашей эры). Вскоре после этого в его честь рабом Титом Клавдием Ливием, префектом при Траяне, в 102 году было сделано мраморное изображение Митры, убивающего быка[1]. Как было отмечено выше, митраистские памятники и культовые сооружения могли первое время не создаваться вовсе, либо при их создании использовались недолговечные материалы. К тому же, памятники, относящиеся к культу Митры конца I в. н.э., обнаружены в разных, далеко отстоящих друг от друга провинциях – фактически по всей римской империи[2]. При этом архитектурно и стилистически открытые археологами памятники принципиально не отличаются. Это говорит о существовании единой устоявшейся традиции и предполагает некоторый латентный период развития данного культа в Римской империи, когда происходило увеличение числа его сторонников. Таким образом, заявить сколько-нибудь точную дату в пределах десятилетия на

Сцена тавроктонии. Британский музей. Лондон

данный момент невозможно. Со значительной долей уверенности можно говорить о том, что культ Митры сформировался не ранее второй половины I в. до н.э. и не позднее второй половины I в. н.э.

Невозможность более точного определения времени происхождения культа усложняет решение вопроса о распространении митраизма в империи. Если митраизм возник в результате трансмиссии и эволюции маздаизма[а] с Востока на Запад, то наиболее вероятным путем распространения его в Европе являются иммигранты. Однако тогда следует учесть сложность восприятия их идей чуждой культурной средой. Даже в том синкретическом виде, в котором мы привыкли его рассматривать, культ отличается не только от римских аналогов, но и от иных восточных культов начала нашей эры. Возникает серьезный вопрос о количестве иммигрантов, необходимом для того, чтобы рассматриваемый культ охватил всю империю, и о возможной скорости роста количества прозелитов.

В своей работе «The development of the cult of

[а] Маздаизм (см. начало статьи в №3) – система верований, которые послужили основой зороастризма.

Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective» М. Волкен проводит модель роста количества посвященных в Римской империи. Исследователь использует возможные проценты прироста количества верующих в десятилетие и различные вероятные даты появления культа Митры в империи. К примеру, можно использовать гипотезу Роджера Бекка о происхождении митраизма из коммагенского культа Антиоха I (см. начало статьи в №3). Если принять начальное количество иммигрантов (посвященных) за 100 человек, а приток прозелитов в десять лет пусть даже за 40% - то за 70 лет (с 70 г. н.э. до 140 г. н.э.) численность культа увеличилась бы со 100 человек до 1053. Увеличивая вероятное количество иммигрантов со 100 до 1000 человек, мы заметим увеличение количества верующих уже до 14751 человека за 70 лет. В обоих случаях эти цифры явно недостаточны для создания настолько значительного объема археологических свидетельств существования культа Митры в империи к 140 г. н.э. Таким образом, говорить о том, что конец I в. н.э. может являться начальной точкой в отсчете существования римского культа Митры, не приходится. Тогда можно взять за начальную точку дату, предложенную Плутархом, – 67 г. до н.э. Приняв за начальное количество верующих (скажем, кикийских пиратов, поступивших на службу в римскую армию) за 1000 человек и прирост за десятилетие в 23% на 140 г. н.э. (за 180 лет развития), число приверженцев культа выросло бы до 41433 человек. Такое количество верующих, вероятно, могло бы оставить значительный массив археологических памятников на всей территории Римской империи, принимая во внимание небольшие размеры общин митраистов[3]. Таким образом, если культ Митры появился в империи в результате трансмиссии с Востока, то даже при значительном начальном количестве верующих (1000 человек), ему потребовалось бы продолжительное время развития для того, чтобы к середине II в. н.э. стать влиятельной религией в римском государстве. Если предположить, что митраизм зародился в Риме, как считает американский ученый Дэвид Юланси[4], то высокий рост количества посвященных вполне возможен. В том случае, если культ Митры развился в религиозно-культурных условиях римской империи от I в. до н.э. до середины I в. н.э., то можно говорить о том, что идеи митраизма были доступны и понятны жителям империи. Следовательно, скорость набора прозелитов была бы значительно выше, чем в случае трансмиссии митраизма с Востока на Запад. Однако в таком случае необходимо обосновать возможность существования главы общины или группы людей, способных экстраполировать свое понимание культа на значительную группу людей, а в итоге - развить и распространить доктрину по всей империи.

Как бы там ни было, первоначально этот культ не получил широкого распространения. Вероятно, в центре империи существовала группа посвященных, которая за

чиная с периода Флавиев, о Митре заговорили и в самом терялась в огромном множестве адептов иных культов, а, следовательно, не привлекала к себе внимания современников - писателей и историков. В конце I в. н.э., на Риме. При Антонинах (II в.) и Северах (перв. треть III в.) митраисты постепенно развивали свою базу, превратившись в один из самых влиятельных языческих культов к концу IV в. Приблизительно с начала II в. н. э. начинается активное распространение митраизма на всей территории Римской империи. Для того чтобы добиться влияния, митраизм должен был создать социальную структуру, которая давала бы его членам материальное и психологическое удовлетворение и защиту. Очень важным было психологическое воздействие идей митраизма на его адептов: создавалась новая социальная сеть, усложнявшаяся рядом последовательных инициаций, совместными ритуалами и наличием закрытого для посторонних учения. С этих позиций важно рассмотреть культовые сооружения митраистов. В том случае, если природное окружение позволяло (Альпы, гористые округа), в качестве культовых сооружений использовались пещеры. Если же община митраистов существовала в городском окружении, в качестве места собраний верующих мог быть использован жилой дом или комплекс жилых помещений. Именно митреумы являются наиболее ярким показателем широты распространения митраизма в той или иной местности. Митреумы находят буквально повсеместно – от Британии до Северной Африки, и от Испании до Германии. Обращают на себя внимание небольшие размеры обследованных учеными святилищ. Кюмон объяснял это тем, что при разрастании общины создавались все новые и новые культовые сооружения. В подобных ситуациях, видимо, действовал механизм разделения одной большой общины на несколько более мелких. Такой механизм мог оказаться наиболее действенным в распространении митраизма по территории всей империи. Благодаря же существованию иерархического деления посвященных при смене места жительства митраист мог стать частью другой общины без потери своих функций. Митреумы различались по размерам, однако даже самые крупные из них могли вместить не более 80 человек. В среднем по размеру культовом сооружении митраистов могло размещаться всего несколько десятков человек. Требуется разрешения и вопрос о социальном статусе посвященных. Ведь если митреум сооружался на их деньги, они должны были обладать солидным состоянием. Здесь можно опереться на эпиграфические свидетельства, относящиеся к культу Митры. Так, существуют данные по Транспаданской Галлии. Это второй в Италии регион по количеству надписей – 39, что составляет 16,7% от общего количества митраистских эпиграфических материалов. В 14 надписях из 39 есть прямые указания на социальную или профессиональную принадлежность их авторов. Всего упомянуто 22 имени. В отличие от римского или остийского[b]

[b] Остия (лат. Ostia — устье) — город в древнем Лации, при устье Тибра; главная гавань Древнего Рима, считавшаяся также его первой колонией. Прилегающий к археологическому заповеднику район современного Рима тоже называется Остией (см. начало статьи в №3)

Митреум в Остии. Италия (вверху).

Митра. Похоронная стелла музея в Сибиу (справа).

материала, эпиграфические свидетельства из Транспаданской Галлии[с] указывают на значительное число военных среди митраистов - 9 из 22 посвященных принадлежали к армейской среде. В процентном соотношении это составляет 40,9%. Следует отметить, что среди военных-митраистов нет ни представителей высшего командного состава, ни простых солдат. В надписях из Аквилеи, например, упоминаются 3 примипила[d], 3 знаменосца и 1 опцион[e] (помощник центуриона). Второй по количеству группой была социальная группа, включавшая представителей второго муниципального сословия августалов. Всего упомянуто три севира-августа. По своему социально-правовому статусу к августалам примыкали, видимо, и отпущенники, занимавшие мелкие чиновничьи должности. К высшему имперскому чиновничеству при-

[с] Цизальпийская Галлия – изначально область расселения галлов (кельтов) на Апеннинском полуострове (в отличие от остальных галлов: они жили по ту же стороны Альпийского хребта, что и римляне), а позже римская провинция. Располагалась между руслами рек Макра и Рубикон, Альпами и Апеннинскими горами. Делилась руслом реки Пад (совр. По) на Цизпаданскую Галлию (на правом берегу реки) Транспаданскую Галлию (на левом берегу).

[d] Примипил – первый центурион первого манипула. Когда манипулярное построение заменилось построением по когортам, название закрепилось за первым центурионом первого манипула первой когорты, который по рангу был старшим из 60 центурионов легиона.

[e] Опцион – помощник центуриона.

принадлежали Тит Флавий Постум Титиан (консул в 301 г., курировавший Транспаданскую Галлию) и префект почт Вильбий Гаян. Равными по значению римскому сенаторскому сословию в муниципиях были носители высших административных должностей. В надписях упомянуты Гай Мунаций Квирин Тир – судья, член комиссии дуумвиров[**f**] из Кома, Гай Калидий Агатон – секстем-вир Аквилеи. Помимо этого, среди поклонников Митры в Транспаданской Галлии встречается имя одного раба и один безымянный торговец из Сирии[**5**].

Исходя из приведенных выше цифр, можно следующим образом представить социальный состав митраистов в Транспаданской Галлии. Военные – 9 (40,9%), высшая имперская бюрократия – 2 (9,1%), муниципальная знать – 2 (9,1%), севиры-августалы – 3 (13,6%), отпущенники – 4 (18,2%), торговцы – 1 (4,55%), рабы – 1 (4,55%). Таким образом, основную массу митраистов составляют представители среднего командного состава армии и средних муниципальных слоев. На этом основании П.В. Иванов делает вывод, что высшая имперская бюрократия и муниципальная верхушка составляла, в общем-то, незначительную часть митраистов[**6**]. Незначительной была и численность рабов в митраистских общинах. В итоге такого статистического анализа данных эпиграфики можно говорить о достаточно высоком социальном уровне митраистов в римском обществе. Но при этом следует учитывать, что данные по Транспаданской Галлии могут отличаться от средних статистических данных по империи. В целом такой социальный статус адептов Митры вполне мог позволить им сооружение собственного митреума. Размеры же культовых зданий наводят на мысль о том, что одновременное участие сразу всех митраистов в обрядах было необязательно. Какие-то культовые действия могли проводиться вне храма, на открытом воздухе. Могла существовать и представительская система сбора адептов: по 2 члена от каждой из 7 степеней посвященных[**7**].

Анализ приведенных выше статистических данных по Транспаданской Галлии позволяет предположить следующее: основными носителями митраизма являлись представители воинской среды, чиновники, рабы и торговцы. Подобную позицию разделяет большинство исследователей митраизма.

И все же, главными носителями митраизма выступали легионеры. Культ Митры – это прежде всего религия римских солдат. Если предположить, что начало распространения данного культа связано с проникновением верующих митраистов из среды киликийских пиратов в армейскую среду, то культ Митры обладал достаточным временем для имитирования военной иерархии, развития кодифицированного обряда инициации, создания канонической иконографии и стандартизированной архитектуры. Это период с 67 г. до н.э. до конца I в. н.э. Первоначальное распространение культа именно в армейской среде объяснило бы и то, что посвященными

могли быть исключительно мужчины.

Функции бога Митры в иранской мифологии состояли в покровительстве клятвам, договорам, защите воинов и тех земель, люди которых верили в него. Согласно Ригведе, Митра дарует победу тем, кто раньше призовет его в бою на свою сторону. Митраизм как самостоятельная религиозная система обладал четким иерархическим делением, строгой социальной ориентированностью и очевидно был в выигрышном положении по сравнению с иными римскими культами, поскольку его адептами являлись мобильные группы имперского общества.

С эпохи правления Адриана (117-138 гг. н.э.) возникла практика набора рекрутов в легион в той провинции, в которой был расквартирован гарнизон. Но у этого общего правила было множество исключений. Наряду с солдатами из числа римских граждан было такое же, если не большее, число вспомогательных войск из тех, кто не пользовался привилегией служить на родине. Так, в течение длительного времени войска в Далмации и в Мёзии, а также какое-то время и в Африке в значительной степени пополнялись за счет выходцев из Азии. Во время парфянских войн Клавдия (41-54 гг.) и Нерона (54-68 гг.) восточный иноэтничный элемент стал устойчивой частью армии Рима[**8**]. Выходцы с Востока набирались в римскую армию также и для снижения опасности восстаний. Поскольку азиатов отправляли служить в чужие для них провинции, их родные земли лишались значительного числа молодых мужчин, способных выступить против римского владычества. При Флавиях, к примеру, местные когорты составляли незначительную часть вспомогательных войск, охранявших границу на Дунае и Рейне. В числе таких инородцев в армии было много азиатов, среди которых преобладали рекруты из Коммагены, где митраизм пустил глубокие корни. Много было также солдат из Каппадокии, Понтийского царства, Киликии и Сирии (азиатский регион).

В процессе несения службы солдаты из разных провинций на длительное время оказывались в тесном контакте. Римский солдат по своей природе был суеверным. Выходцы же из азиатских провинций хранили в чуждой для них среде память о своих богах. Но и тем, и другим покровитель воинов Митра давал защиту и уверенность в победе. Поэтому нередко митраисты объединялись и создавали своеобразные воинские братства, в которые допускались товарищи по оружию любой социальной и этнической принадлежности. После нескольких лет службы в стране своего рождения солдат становился центурионом[**g**] и обычно переводился в другой легион. Когда он в очередной раз получал новое звание, его отправляли на новое место службы. Видимо, именно поэтому центурионы оказали значительное влияние на распространение митраизма в Римской империи. Их положение позволяло им оказывать моральное влияние на рекрутов, обучение которых входило в их обязанности.

[**f**] Дуумвиры – во времена империи это 2 ежегодно сменявшихся чиновника, управлявших колонией.

[**g**] Центурион – в римской армии командир центурии. Центурионы высшего ранга командовали и более крупными подразделениями (манипула, когорта, вексилляция).

В пользу значимости армии в распространении митраизма в Римской империи свидетельствует совпадение основных районов расположения митреумов с местами дислокации римских гарнизонов.

Определенную часть поклонников Митры составляли рабы. В Римской империи рабы восточного происхождения были не редкостью. Италия, покупая в Египте и в других восточных провинциях зерно, также ввозила оттуда и людей. Из источников видно, что к обработке полей привлекались рабы из Фригии, Каппадокии и Сирии[h]. Функции прислуги во дворцах императоров исполняли те же сирийцы и египтяне. В литературных, религиозных и исторических сочинениях античных авторов, сохранивших упоминание о митраизме, часто упоминаются рабы и вольноотпущенники-митраисты. Встречаются также и надписи, сделанные рабами и вольноотпущенниками. Так, надпись на двух языках из Верса, города Центральной Италии, повествует о том, что в 172 г. н.э. раб - казначей города - реставрировал местный митреум. В г. Нарсе раб, трудившийся по найму в качестве гробовщика, восстановил митреум на свои сбережения[9]. Отсюда можно сделать вывод, что рабы восточного происхождения являлись носителями митраизма и содействовали его распространению. В Римской империи, исходя из того, что упоминания о митраистах-вольноотпущенниках и рабах встречаются часто, можно предположить, что митраистский культ не налагал запретов на доступ людей из низших слоев населения в митраистские сообщества. Но не стоит переоценивать такую «демократичность» данного культа. Допуск в общину митраистов еще не говорил о возможности приобретения в ней высокого иерархического статуса для любого посвященного.

Важным носителем митраизма выступало чиновничество, которое олицетворяло политическое единство империи. Механизм распространения митраизма в среде имперских служащих аналогичен механизму его распространения в воинской среде. Чиновники являлись подобием второй армии, одинаково обязанной подчиняться приказам властелина. Большое число чиновников были выходцами из восточных провинций. Так, в г. Кесарии Каппадокийской[i] местный чиновник, раб по рождению, исполнявший обязанности казначея-распорядителя коллегии августалов, посвятил Митре надпись на хорошей латыни. Приобщение к культу чиновников с высоким со-

циальным статусом давало митраизму выход в высшие слои римского общества, увеличивая влияние культа на жизнь Римского государства в целом.

Восточные купцы также оказали значительное влияние на распространение митраизма в Римской империи. Экономическое и коммерческое превосходство Востока в начале нашей эры было весьма ощутимым, поскольку именно на Востоке находились главные центры ремесленного производства и экспорта. Оживленная торговля Римской империи с Востоком повлекла за собой появление в Италии, Галлии и в придунайских провинциях купцов, которые в отдельных городах образовывали по-настоящему крупные сообщества. Особенно многочисленными были сирийские эмигранты. Их колонии-поселения, разбросанные в европейских провинциях вплоть до севера Галлии, служили опорными пунктами для проповеди язычества, подобно тому, как еврейские общины – для проповеди раннего христианства. В процессе своей деятельности торговцы посещали различные регионы Римской империи, именно поэтому митреумы часто встречаются по основным караванным путям того времени. Так, в южной Галлии по сохранившимся митраистским памятникам можно проследить распространение культа вдоль торгового пути от римской колонии Массалия[j] по долине реки Рона к городам Нарбонской провинции[k]. Исследователи митраизма полагают, что Аквилея была центром культа Митры и тем перевалочным пунктом, откуда средиземноморская торговля проникала в центральную Европу[10].

Охват разных социальных слоев и этнических групп имперского общества способствовал стремительному распространению митраизма в Римской империи. Оборонные и военные нужды заставляли офицеров и солдат переходить с границ Евфрата на берега Рейна, а оттуда - на окраины пустыни Сахара. И повсюду митраисты оставались верными своему культу. Административные нужды заставляли постоянно перемещаться чиновников и помощников-аппариторов, являвшихся нередко рабами по рождению, в самые далекие провинции. Наконец, легкость сообщения, возросшая в результате строительства удобных мощеных булыжником дорог, увеличивала число путешествий и их дальность. В результате неизбежно возрастал обмен товарами, людьми и идеями. Можно утверждать, что боги Востока следовали за мощными коммерческими и военными продви-

[h] Фригия (эллинск. *Frug...a*) – могущественное государство, созданное индоевропейским народом фригийцев на обломках державы хеттов в Малой Азии. Завоевано персами, потом Александром Македонским, за её территорию вели борьбу эллинистические монархи. В 277-278 началось вторжение кельтского племени галатов, которые после почти 50-летней войны заселили часть территорий фригийцев. Оставшиеся земли к западу от р. Сангариус (ныне Сакарья) в 30-е гг. II в. до н.э. стали частью римской провинции Азия (см. начало статьи в №3).

Каппадокия (см. начало статьи в №3) – область в Малой Азии между реками Евфрат и Галис.

Сирия – провинция Римской империи, располагавшаяся на территории современных Сирии и Ливана. Завоеваны были эти земли в 64 г. до н.э. Помпеем Великим в ходе Третьей Митридатовой войны.

[i] Кесария Каппадокийская – город в Малой Азии, резиденция каппадокийских царей. Сейчас город Кайсери в Турции.

[j] Массалия – римская колония на юге современной Франции, современный Марсель.

[k] Нарбонская Галлия – провинция Римской империи с центром в г. Нарбо-Марциус, совр. Нарбонна, расположенная на территории современных Лангедока и Прованса в южной Франции.

жениями. Их укоренение на Западе было естественным следствием такой активной миграционной циркуляции, которая привлекала в малонаселенные регионы мигрантов из азиатских городов и сел[11]. Фактически митраизм был распространен в Римской империи повсеместно. Однако более силен он был в латиноязычных западных территориях, нежели в грекоязычных восточных. К тому же митраизм, в отличие от античного христианства, лучше прижился в сельской местности, нежели в городской.

Попытаемся определить и политические, и идеологические факторы, повлиявшие на распространение культа Митры.

Первый фактор – сильная централизация Римской империи. В стремлении объединить земли, присоединенные в процессе экспансии, императоры добились значительных успехов. Вся система была призвана укреплять единство государства. Легионеры набирались в одних провинциях и несли службу в других. Чиновники перемещались из провинции в провинцию. Это уменьшало возможный размах восстаний и позволяло новым культам, по мере их проникновения (или возникновения в римской державе), в небольшие сроки охватывать большие территории.

Далее, слабость традиционных культов, отсутствие единой государственной религии можно считать вторым важным фактором. В этой ситуации митраизм выигрывал, т.к. обладал четкой вертикальной иерархией, дополненной развитыми горизонтальными связями. Но при этом римский митраизм изначально не был нацелен на количественное увеличение последователей. Впоследствии именно этот фактор стал одной из причин поражения митраизма в противостоянии с античным христианством. Митраизм, благодаря римской практике синкретизации культов, выигрывал от сотрудничества и слияния с иными культами, будучи изначально более централизованным. Нередко были случаи объединения образов и атрибутов местных богов с культом Митры, например Митра-Гелиос. При этом Митра не был подчинен Гелиосу, его имя в литургии осталось без перевода, в отличие от других почитаемых в мистериях божеств[12]. Исследователи отмечают, что адепты культа Митры часто действовали сообща с поклонниками культа Великой Матери. Святилища Митры и Великой Матери располагались рядом в Остии и Заальбурге[1], нередко посвящения делались обоим божествам сразу. Тавроболии[m], которые были частью культа Великой Матери, на Западе приобрели дополнительное значение через интерпретацию митраизма, где дающая жизнь кровь быка становится залогом бессмертия[13]. Такое сотрудничество компенсировало главную слабость римского

митраизма – участие в культе Митры исключительно мужчин.

Третий фактор заключается в стремлении императоров и чиновников усилить свою власть. Митраизм, который, по мнению Кюмона и некоторых других исследователей, происходит из Персии, открывал богатые возможности для укоренения восточных традиций в процессе сакрализации власти монарха. Император в роли главнокомандующего мог стать аналогом или помощником Митры в качестве покровителя воинов, что идейно подходило для экспансионистского Рима. Авестийский Митра выполнял роль посредника между Ахурой-Маздой и землей, Плутарх в трактате «Об Осирисе и Исиде» называет его «богом-посредником»[14]. По аналогии таким же посредником между Митрой и римлянами мог быть император. Поэтому изначально римские императоры не препятствовали распространению митраизма, затем они становятся на позиции поощрения. В III в. сложились условия для сращивания императорского культа с религиозным почитанием некоторых божеств-покровителей воинов. Если до этого императоры династии Антонинов и Северов демонстрировали особое отношение к культу Геркулеса, то с III века особые почести воздавались уже Непобедимому Солнцу и Митре, который соотносился с ним[15]. Еще в конце II в. н.э. император Коммод (180 -192 гг.), последний из принцев династии Антонинов, принял посвящение в мистерии Митры.

В эпоху Ранней империи[n] в Риме сформировался императорский культ, ставший краеугольным камнем ее официальной идеологии. Все римские императоры были главами государственного культа, великими понтификами. Август же для укрепления своего религиозного авторитета ввел в традиционный для римлян семейный культ, а также в культ городских кварталов и сельских общин культ собственного гения – «гения Августа». С этого времени в честь принцев стали строиться храмы, воздвигаться алтари и святилища, устанавливаться статуи. Число жертвоприношений и благодарственных праздников, которые проводились в честь принцев, быстро росло. Граждане, вольноотпущенники и провинциалы соревновались в жертвоприношениях, военные формирования – в сооружении алтарей и памятников, города – в постройке храмов и священных мест. Для обслуживания нового культа в Риме и итальянских городах привлекались служители и из числа плебеев, вольноотпущенников и рабов, и из провинциальной знати. Они устраивали празднества и общественные трапезы в честь императора, ухаживали за алтарями и часовнями, украшали статуи нового бога. Причем на востоке Империи этот культ принял форму

[1] Заальбург – римская крепость на верхнегерманском лимесе.

[m]Тавроболия (ταυροβόλος) – убийство быка, или принесение его в жертву (по-эллински ταῖροι – «бык», βοῖ – «удар»).

[n] История Римской империи делилась на периоды принципата и домината (условно начался с правления Диоклетиана (284—305 гг.)). До означенного рубежа император формально был всего лишь принцем – первым в списке сенаторов; принцепс вёл заседания и высказывался первым при обсуждении. рциус, совр. Нарбонна, расположенная на территории современных Лангедока и Прованса в южной Франции.

Двухфасадный митраический рельеф. Рим, II-III ст. н.э.

обожествления правящих императоров, на западе – форму почитания гения живых и обожествления умерших императоров. Во II в. н.э. культ императора был

отождествлен с культом города Рима, а в III в. н.э. – с образом Непобедимого Солнца, являвшегося одной из ипостасей Митры. Так культ главных римских богов оказался тесно связанным с традицией государственности, с политической властью. Этот неповторимый идеологический феномен должен был стать стабилизатором римской державы, объединившей разноразличные народы всего Средиземноморья. Помимо этого, митраизм, как и иные восточные религии, оказывал сильное психологическое воздействие на своих адептов, затрагивая одновременно их чувства, разум и совесть, поглощая человека целиком. По сравнению с традиционными языческими верованиями восточные ритуалы отличались большей пышностью, учения – претензией на большую истинность, а мораль предлагала более высокое понимание добра. Отлаженный церемониал празднеств, то помпезных, то чувственных, то скорбных, привлекал массу простых людей. Постепенное приобщение к древней мудрости, унаследованной от далекого Востока, привлекало внимание и просвещенных людей империи. Жесткая же нравственная дисциплина идеально подходила для культа Митры в качестве покровителя воинов. Обещание индивидуального духовного очищения и вечной жизни, наполненной бесконечным счастьем, пленяли и удерживали адептов. И если почитание римских богов являлось гражданской обязанностью, то поклонение чужеземным богам – выражением личной воли, сокровенных чувств и стремлений подданных империи вне зависимости от их этнического и социального статуса. Митраизм, возможно, привлекал римлян и особым процессом приобщения к тайнам посредством инициаций[16]. В итоге, в III в. н.э. могущество Митры стало таким, что казалось, что он почти затмил своих восточных и западных соперников и единолично царил над римским миром. Ареал митраизма достиг потрясающих размахов – от Испании до Германии, от Британии до восточных и североафриканских провинций Римской империи. Тем не менее, такие широкие географические рамки не означали, на наш взгляд, что митраизм в обозначенных границах был укоренен повсеместно. В связи с тем, что все же главную роль в его распространении сыграли легионеры, восточные купцы и рабы, митраизм наиболее активно утвердился на местах стоянок легионов, в крупных портах, по основным торговым путям, а также в наиболее обезлюдивших вследствие войн провинциях (Дакия, к примеру). В некоторых провинциях этому культу не удалось укорениться по разным причинам. К примеру, свидетельств утверждения митраизма в качестве господствующего культа не было найдено в Вифинии[о], Галатии, Греции, центральной и западной частях Галлии[р], на юге Британии, на Пиренейском полуострове, в Далмации[q]. С одной стороны, экспорт в этих регионах

[о] Вифиния – историческая область на северо-западе Малой Азии. Название получила от фракийского племени финов (или вифинов), проникшего сюда из Европы ок. 700 г. до н.э.

[р] Имеется в виду Трансальпийская Галлия, то есть в основном территория совр. Франции (о Цизальпийской Галлии см. выше).

[q] Далмация – историческая область, расположенная на северо-западе Балканского полуострова и населенная иллирийцами, кельтами и фракийцами.

Распространение культа Митры в Римской империи

над импортом, следовательно, восточным купцам дорога сюда была закрыта. Далее, из этих провинций рабов вывозили. Наконец, со времен Веспасиана (69-79гг. г.э.) постоянного римского воинского контингента здесь не размещалось.

Наличие значительной социальной базы, стройная внутренняя организация, благоприятная для распространения среда, поддержка центральной власти содействовали распространению митраизма. Можно уверенно говорить о возможной удачной для римского государства и общества модели развития, идейным ядром которого мог стать митраизм, – способной привлекать и удерживать прозелитов, находить поддержку в различных по общественному статусу и этническому происхождению слоях населения. Однако это был всего лишь возможный, но несостоявшийся путь исторической эволюции. О причинах упадка митраизма пойдет речь в следующей, заключительной главе моего исследования.

Причины упадка культа Митры в римской империи.

В III в. н.э. почитание Митры широко распространилось в Римской империи, его позиции были способны удерживаться даже в условиях политического и военного противостояния Персии и Рима. При этом система гос-

сударственного правления в самом Риме сильно приблизилась к восточной. Широкое распространение получила астрология, оказывавшая большое влияние на нравы и мировоззрение жителей римского государства. Двор Диоклетиана в конце III в. сильно напоминал своим устройством и церемониалом двор Сасанидских монархов. По мнению Франца Кюмона, никогда еще Европа не была так близка к «азиатизации», как во времена расцвета митраизма – т.е. в третьем столетии нашей эры. Влияние восточных культов, восточного образа мышления затронуло и высшие слои римского общества. Поиски монотеистического культа, усиленные развитием философских концепций, вылились в развитие всепоглощающего солярного культа Непобедимого Солнца. Степень такого почитания солнца выразилась в той враждебности, с которой римляне встретили попытку Гелиогабала в 210 году привезти изображение Баала из Эмесы в Рим. Римляне были слишком преданы традиционной концепции солнца, чтобы быть готовыми к принятию нового его образа - Баала в форме черного камня. На многих фресках изображены сюжеты, показывающие взаимосвязь Митры и Солнца, но их тождественность и взаимоподчиненность остается под вопросом. Митру в Риме называли Бог-Солнце Непобедимое (Deus Sol Invictus), а его изображения имели ярко выраженную солярную символику.

В III в. н.э. культ Митры достигает пика своего влияния, о чем свидетельствует создание общегосударственного императорского культа Солнца Непобедимого. Аврелиан (270-275 гг.) построил большой храм Солнцу на Марсовом поле (хотя обычно митреумы не отличались значительными размерами (см. выше)), часть которого относится в современном Риме к площади Святого Сильвестра. Там Аврелиан поклонялся Солнцу как единственному небесному всемогущему божеству. Было установлено, что каждые четыре года в Риме проводились празднования в честь этого нового государственного бога, днем рождения которого считалось 25 декабря[17]. Это почитание давало явное преимущество митраизму в сравнении с иными языческими культами империи. В 307 г. н.э. Диоклетиан, Галерий и Лициний, которых свела вместе торжественная встреча в Карнунте на Дунае, освятили там святилище Митры, «покровителя их империи» (*fautori imperii sui*)[18]. Тот факт, что Митра упомянут в этой надписи по имени, выделяет ее из числа других, более общих надписей времени правления Аврелиана, посвященных Солнцу. Влияние данного культа достигло кульминации именно в это время. Была даже предпринята попытка посвятить Митре храм в святой святой Рима - на Капитолии. Безусловно, митраизм, в случае отсутствия такого сильного соперника, как христианство, как мог достигнуть полного господства.

Одной из главных проблем, обуславливающих актуальность исследований и интерес к культу Митры, является проблема сходства митраизма и христианства. На протяжении тысячелетий со времени возникновения христианства создавались разные концепции, призванные объяснить наличие ряда общих черт для этих двух религиозных систем. Уже ранние христианские авторы обращали внимание на данное обстоятельство. Так, идея существования Сатаны, а также дуализм светлого и темного начал, вероятнее всего, проникли в христианство из митраизма. Более того, Митра и Христос с IV в. н. э. имели общую дату своего рождения – 25 декабря. Жизнь в дольном, т.е. земном мире расценивалось обеими религиями как испытание, итогом которого должно было стать вечное счастье или страдание в загробном мире. Спасение души, которое становилось главной целью человеческой жизни, обеспечивалось и в митраизме, и в христианстве выполнением священных очистительных и искупительных церемоний и обрядов. Можно продолжить подобные аналогии и совпадения. Во многом склонность к выявлению этих сходств, методов их интерпретации зависят от религиозных убеждений того или иного исследователя истории римского митраизма.

В статье «*Christ and Mitra*» Сэмюэль Лочли выделяет пять различных концепций, объясняющих сходство между христианством и митраизмом[19]. В соответствии с первой из них, христианство развивалось под прямым влиянием митраизма. Сторонники второй концепции утверждают, что сам митраизм развивался под влиянием христианства. Согласно третьей концепции, христианство и митраизм имеют общие корни. В четвертой концепции

их сходство объясняется тем, что могли иметь место все три фактора: христианство и митраизм имеют одни и те же корни, и в процессе своего развития обе религии заимствовали друг у друга наработанные концепции и культовую практику. Пятую теорию выдвигает Сэмюэль Сандмел, по мнению которого имел место исторический параллелизм: в схожих социальных условиях при опоре на культурное и символическое наследие прошлого обе религиозные системы приобрели в процессе своей эволюции сходные черты.

Основатель научного изучения митраизма Франц Кюмон также уделил данной проблеме определенное внимание. Поскольку первые христианские общины формировались в среде жителей Востока – семитов, фригийцев, египтян, говорить о том, что они не испытывали влияния со стороны языческих мистериальных культов эллинизированного Востока сложно. Некоторые христианские обряды и праздники очевидно брали за образец соответствующие языческие традиции, полагает этот исследователь. Так, в IV в. н.э. Рождество Христово было перенесено на 25 декабря, так как в этот день отмечалось рождение Солнца (*Natalis Invicti* – Рождение Непобедимого)[20]. В почитании же местных святых могли укорениться наряду с другими политеистическими практиками отдельные пережитки восточных культов Исида и Кибелы. С другой стороны, как только христианство приобрело в римском мире нравственный и идейный авторитет, оно стало оказывать влияние на своих оппонентов и противников. Дать точный ответ на эту проблему, на наш взгляд, невозможно. Наличие аналогий между античным христианством и митраизмом (и другими восточными культами) не означает прямого подражания или плагиата. Сходство идей и практик можно с большей долей вероятности объяснить общностью происхождения и социальной среды их распространения. Исследование практик и учений, общих для христианства и митраизма, почти всегда вынуждает ученых искать их корни за пределами Римской империи, а именно на эллинистическом Востоке. Здесь были разработаны те религиозные концепции, которые утвердились в латинской Западной Европе. На эллинистическом Востоке, вероятно, следует искать и ключ к проблеме сходства митраизма и раннего христианства, которую пока до конца так и не удается решить.

На наш взгляд, именно идейное соперничество и сходство античного христианства и митраизма обуславливало последовательные гонения на митраистов. Святой Юстин и Тертуллиан уже во II столетии нашей эры поражались сходству митраистских обрядов с церковными. Христианские писатели говорили, что это «демоны, соблазняя верных, подражают Церкви»[21]. Характерный пример гонений, начавшихся после смерти Юлиана Отступника, приводит Франц Кюмон: «Руины митреумов носят свидетельства насилия их (христиан) опустошающей ярости. Даже в Риме, в 377 году, префект Грахх, в поиске привилегий очищения, предложил в качестве доказательства своей искренности обращения разрушение митраистского храма со всеми статуями, которые он содержал»[22].

Христианство и митраизм распространялись неравномерно и охватывали, в основном, разные провинции империи. Если митраизм в большей степени был укоренен в сельской местности, то христианство быстро распространялось в городских округах. Единственной точкой пересечения был Рим. Возможно, именно это и послужило причиной отсутствия столкновений между приверженцами данных религиозных систем вплоть до конца IV в. н.э.

Битва на Мульвийском мосту на Тибре в 312 г. была решающей не только для Константина, но и для культа Митры[23]. Христос принес победу Константину, как в прошлом Митра принес победу Аврелиану над правительницей Пальмиры Зенобией. Благодаря Аврелиану, митраизм стал государственной религией империи. Теперь же Константин утвердил христианство в качестве официальной религии всего римского государства. Религия римлян всегда развивалась в векторе их политики. Сознательный выбор Константина, яркий символ его победы благодаря помощи Христа привел к укреплению позиций христианства в империи. Вторая половина IV в. н.э. стала решающей в борьбе христианства с язычеством. За эти полвека христианство стремительно набирало вес, и к концу IV в. уже правило безраздельно.

Нежелание императора Юлиана исповедовать христианство привело к тому, что его нарекли Отступником. Будучи под сильным влиянием неоплатонизма,

увлеченный мистикой, Юлиан объявил себя митраистом. Однако тут следует сделать упор именно на слове “объявил” – быть поклонником идей не означает быть их ярким приверженцем. Юлиан посвятил гимн Солнцу, из которого видно, что Митра отождествлялся с Солнцем. Остальные солярные божества – Аполлон, Фазтон, Гелиос – отражают лишь отдельные аспекты солярного культа империи. Вероятно, целью императора-отступника было возрождение именно культа Солнца, очищенного и улучшенного посредством инкорпорации философских идей той эпохи. Однако осуществлению этого синтеза помешала неожиданная смерть Юлиана в 363 г.

После короткого правления Юлиана установился непродолжительный период религиозной толерантности, прерванный в 382 г. эдиктом императора Грациана (375-383 гг.). Согласно этому эдикту прекращалась государственная поддержка официального митраистского культа. Ранее, в 379 г., Грациан стал первым императором, отказавшимся от звания верховного понтифика. Незадолго до этого (в 377 г.) префект Рима Грахх осквернил, разрушил и уничтожил пещеру Митры, заполненную, по его словам, «ужасными изображениями»[24].

Эдикт 382 г. вызвал противодействие со стороны группы римских интеллектуалов, которых можно условно разделить на два лагеря. Представители одного из них были за то, чтобы следовать примеру Юлиана, второй

Митрериум в Каррабурге. Британия.

лагерь ратовал за поддержку традиционных божеств языческого пантеона. Обе группы работали тесно в оппозиции против Грациана. Один из их лидеров, Веттий Агорий Претекстарус, восстановил на Форуме Портик Деорум Консентиум со статуями 12 богов. Этот человек занимал различные должности священнослужителя, в том числе и высшую должность Патер Патрум в культе Митры. Претекстарус был убежденным последователем идей Юлиана, в то время как его наследник и друг К. Аврелий Симмах занимал более консервативные позиции. Верий Никомах Флавий, кузен Симмаха, в 377 г. подвергся наказанию за оказание поддержки африканским донатистам[r]. Различные важные надписи, сделанные Альфением Цейонием Юлианом Камениусом, кузеном императора Юлиана, подтверждают поклонение Митре. В число оппозиционных аристократов и ученых входил также Макробий[s], который делает многочисленные отсылки к доктрине языческого мира в своих «Сатурналиях». Симмах, способный дипломат, взял на себя неблагодарную задачу осуждения решения Грациана. В то же время Амброзий, епископ Милана, угрожал молодому императору экскоммуникацией, т.е. отлучением от церкви. Протагонистами, как бы то ни было, являлись не Симмах и Грациан, но Амброзий и Претекстарус. И когда последний умер в 385 г. его партия осталась без лидера.

После избрания императором Феодосия (379-395 гг.) борьба постепенно приближалась к завершению. Когда христиане в Сирии разграбили и сожгли синагогу, а монахи предали огню храм гностических валентинианцев, Феодосий потребовал возмездия и наказания виновных. Но снова вмешался христианский епископ Амброзий, и император был вынужден уступить. Как бы ни боролся Феодосий за самостоятельность, он был, на наш взгляд, под серьезным влиянием этого епископа. Император был даже отлучен от церкви после очередного инцидента, хотя в Рождество 390 г. Амброзий вновь позволил ему принять причастие.

Серьезное давление на светскую власть со стороны церковной иерархии привело к изданию эдикта в феврале 391 г., запрещавшего почитание языческих богов в Риме. Последнюю точку в этом вопросе поставил эдикт 392 г., в соответствии с которым вся практика языческих религий, включая личные посвящения, оказывалась под строгим запретом. Но и после издания этого эдикта приверженцы оппозиции отказались признать поражение. Флавиан, ставший лидером оппозиционеров, объединился на севере Италии с Евгением для борьбы с Феодосием. Сражение между ними было не столько политическим событием, сколько религиозным столкновением: оно решало, быть или не быть старой вере. Сначала казалось, что битва под Фригидием (394 г.) принесет победу приверженцам старых богов. Однако на следующее утро Феодосий якобы встал на колени и помолился. После этого над Адриатикой поднялся шторм, и стрелы язычников обратились, согласно утверждениям

церковных авторов, против них самих. Как и в битве Константина, чудо решило исход боя. Евгений был убит, а Флавиан покончил с собой[25].

Однако к началу IV в. приверженцы христианства составляли в Римской империи еще незначительную часть населения. Митраизм же был распространен в этом столетии на всей территории империи, имел приверженцев во всех слоях населения, в том числе и в высших. Его же главным носителем, что особенно важно для экспансионистского Рима, была армия. Тем не менее, митраизм потерпел поражение в борьбе с христианством.

Причин поражения было немало. Одной из них было то, что римский митраизм имел суженную социальную базу. К участию в мистериях не допускались женщины, в отличие от христианства, которое не вводило разделения между верующими по половому признаку. Митраизм не был направлен на охват всего населения, он был, в сущности, религией избранных. Закрытость мистерий для непосвященных подогревала интерес к этому культу, но в то же время недоступность мистерий для всеобщего понимания и восприятия снижала его привлекательность в сравнении с общедоступными христианскими лозунгами о всеобщем спасении посредством веры в Христа.

Таким образом, восточные религии подготовили почву для прихода новой, более совершенной монотеистической религиозной системы. На смену обожествления самой власти приходит библейский тезис «вся власть от Бога». Христианские идеи в устах церковных ораторов и проповедников имели неотразимую притягательность. Языческие же идеи уже давно утратили свою убедительность. Так, еще Цицерон в I в. до н.э. отзывался о мифе о происхождении Рима не иначе, как о «бабьих сказках», а жители Рима не воспринимали всерьез традиционные представления о загробном мире [23, с. 67][26]. Отсюда можно сделать вывод: главной причиной поражения митраизма в борьбе с христианством было то, что язычество к IV веку фактически устарело и не отвечало требованиям времени, меняющийся мир требовал новой религиозно-социальной концепции. Христианские постулаты были адресованы, прежде всего, «сырым и угнетенным», т.е. социально незащищенным людям. Такими являлось в то время абсолютное большинство населения Римской империи. Тем не менее отжившая для данного этапа истории религия длительное время держалась в центре Римской империи и подавляла продвижение новой идеологии. Потребовалось значительное время для того, чтобы античное христианство, оппозиционное течение в лоне иудаизма, смогло преодолеть локальный характер. Набрав силу и увеличив число своих последователей, христианство приобрело со временем статус официальной религии имперского общества, а Христос превратился в защитника существующего в нем порядка. С этого момента ре-

[r] Донатисты (по имени епископа Доната) – религиозное движение в римской Северной Африке в 4-5 вв., направленное против официальной христианской церкви и римского господства.

[s] Амвросий Феодосий Маркобий – 5 в. н.э. Римский писатель, филолог и философ-неоплатоник.

лигиозная нетерпимость становится отличительной чертой римского общества, с превращением христианства в господствующую религию Римской империи впервые возникли представления о ложных богах и различных формах ереси. Все языческие культы и религии характеризовались как ложные и тем самым были обречены на постепенную гибель и забвение. Уничтожались произведения изобразительного искусства, библиотеки, храмы и публичные здания. Так была сведена на нет характерная для древности духовная свобода, дававшая простор для идеологического маневрирования и не требовавшая селективного отбора идеологических догматов.

Духовная борьба продолжалась еще некоторое время после поражения языческой оппозиции. Вероятно, почитание Митры сохранялось в отдаленных от центра и изолированных регионах[27], но сила и влияние на верующих непобедимого бога была рассеяна. Митра-Непобедимое Солнце сам был побежден духом времени, а его культ постепенно исчез. Современным ученым остается лишь разгадывать тайны и отыскивать секреты, которые побежденное божество забрало с собой в историческое прошлое. Согласно словам Э. Ренана, «если бы какая-нибудь смертельная болезнь остановила рост христианства, мир стал бы митраистским»[28].

Заключение

В данной статье охарактеризованы исторические обстоятельства происхождения римского митраизма, те социальные слои, которые практиковали культ Митры, выявлены причины поражения митраизма в борьбе с христианством. Был подробно рассмотрен вопрос историографической и источниковедческой базы исследований митраизма в новое время.

В начале рассматривались исторические условия происхождения и распространения митраизма в Римской империи. Поиск учеными общей парадигмы, способной увязать все существующие ныне теории по этой проблеме, является ключевым для осознания природы римского культа Митры. Решая вопрос происхождения этого культа, мы полагаем, что можно только с определенной долей вероятности говорить о его прародине и, следовательно, о тех религиозно-социальных концепциях, которые повлияли на митраизм в процессе его формирования. Решение проблемы, связанной с распространением митраизма, позволяет раскрыть исторические

Митра на быке. Фреска из храма Марино. Италия. 2 в. н.э.

обстоятельства превращения митраизма из небольшой группы посвященных в общеимперскую идеологию огромной мировой державы. Изучение же социального состава посвященных позволило определить реальное место митраизма в имперской общественной структуре. Наш вывод: чем выше была доля посвященных с высоким социальным статусом, тем сильнее сказывалось влияние митраистского культа, в том числе и на государственную политику римских императоров.

Что касается хронологических рамок истории римского митраизма, то многие исследователи проблемы считают его начальной датой 67 г. до н. э. Данная дата связана со свидетельством Плутарха о киликийских пиратах, которые якобы в то время уже исповедовали митраизм. Тем не менее, значимый массив археологических источников, относящихся к римскому культу Митры, появляется только в конце I в. н.э. Поэтому в наше время столь ранняя дата, как 67 г. до н.э., ставится многими учеными под сомнение. Современные исследователи более осторожны в выводах по датировке, они говорят о временных рамках начального митраизма между концом I в. до н.э. и серединой I в. н.э.

Своими историческими корнями Митра, вероятно, восходит еще к индоарийскому богу Митре, имя которого встречается и в «Ведах», и в «Авесте». В своем доримском развитии митраизм испытал влияния семитской теологии ряда культов Малой Азии, а также эллинистических идей и культурных практик. В иконографических сюжетах митраизма можно найти напластования различных эпох, отзвуки различных религиозных и моральных воззрений, исторических событий, остатки культов, контаминации сюжетных мотивов. В комплексе изображений, посвященных отношениям между Солнцем и Митрой, заметны различные отношения соподчинения. Это объясняется сложными путями формирования образа Митры. Дело в том, что в историческом развитии функции божества изменялись, усложнялись или трансформировались. И в итоге новое в его образе переплеталось со старым. Основой римского митраизма при этом оставался маздаизм. В процессе становления и распространения митраизм постепенно охватил всю территорию Римской империи и к началу IV века стал официальной доктриной Римского государства. Основными социальными слоями имперского общества, в которых активно практиковался митраистский культ, были военные, рабы, чиновники и торговцы.

Пика своего расцвета римский митраизм достигает в III в. н.э., в эпоху «солдатских» императоров. Именно в этом столетии армия, в значительной мере охваченная данным восточным культом, приобрела решающее влияние на власть. Широкая пропаганда митраизма, укоренение других восточных культов разложили древнюю национальную веру римлян, с одной стороны, с другой, сами цезари сводили на нет политический партикуляризм. Вместе с тем, новой религии, чтобы стать вселенской, уже не нужна была тесная связь с государством – вера в митраизме воспринималась не как общественный долг, а как личная обязанность. И если для традиционного римского культа были характерны невнимание к внутреннему состоянию молящегося, часто формально совершаемое религиозное действие, то мистериальные религии (к которым относился и митраизм) предлагали каждому их приверженцу чувство защищенности, непосредственное культовое переживание высочайшей интенсивности, новую жизнь после смерти. Такая религия не подчиняла индивида обществу, своей главной задачей она объявляла обеспечение каждому адепту личного спасения как на этой земле, так и в потустороннем мире. В итоге восточные мистерии открывали перед посвященными радужную перспективу вечного блаженства. Ось нравственности оказалась смещенной: главной целью становилась теперь реализация высшего блага не на земле, а после смерти, в потустороннем мире. Речь шла об осуществлении каких-то идеальных чаяний, поэтому жизнь на земле расценивалась как подготовка к вечной загробной блаженной жизни. Итогом земного испытания могло стать и вечное страдание.

В итоге спасение души становится главным человеческим делом, а мистериальный культ был призван главным образом обеспечивать исполнение священных

церемоний. Эти ритуалы обладали, по представлениям их участников, очистительной и искупительной силой, они делали человека лучше и освобождали его от власти злых духов. Вследствие этого культ был главной составляющей религиозной системы, а отправлять его могло только духовенство. Причем восточные боги желали владеть своими служителями безраздельно: их жрецы уже не чиновники, как это было в греческом полисе и в римской цивитас. Жрецы новых культов целиком отдают себя своему служению и требуют от верующих покорности своей сакральной власти.

Проведенный в статье анализ позволяет утверждать, что структура и практика восточных культов приближает их к раннему христианству. Можно найти и немало других точек соприкосновения. Современного человека эти аналогии поражают сильнее, чем их современников. Контакт с принципиально иными религиозными системами Индии и Китая, кардинально отличавшимися как от римского язычества, так и от христианства, делает нас более склонными замечать сходство между последними. Однако такие теологические аналогии не привлекали внимания древних, поскольку им ничего не было известно о существовании принципиально иных религиозных систем (как в Индии и Китае), и они акцентировали свое внимание главным образом на различиях. Нельзя отрицать, что среди таковых различий было немало существенных. Главное, что отличает античное христианство от языческих культов, – выведение Бога за пределы мира, утверждение монотеизма. Тем не менее, обособление и противопоставление монотеизма политеистической традиции не позволяло порвать с теми историческими условиями, в которых формировалась античная церковь. По мере тщательного изучения религиозной истории античности триумф Церкви во все большей степени начинает казаться венцом долгой эволюции религиозных верований и культовых практик изучаемой нами эпохи. Элементы христианской эсхатологии разрабатывались в древности задолго до появления монотеистической религии.

С 313 года христианство приобрело статус государственной религии в Римской империи. Эпоха господства митраизма закончилась. Император Юлиан Отступник в 361-363 годах попытался вернуть культу «Солнца Непобедимого» статус государственной идеологии Империи, но после его смерти римский трон снова заняли приверженцы христианства. Началось разрушение митреумов и уничтожение культовых предметов и зданий побежденной религии. Античное христианство стремилось избавиться от своего главного идейного соперника, последней языческой официальной религии Римской империи. Возможно, это объясняется необычайным сходством между ними, о котором шла речь выше. И это сходство также являет собой определенную проблему, решение которой позволяет получить более глубокое знание о духовных основах современной западноевропейской цивилизации. В итоге, все религии спасения и все эзотерические сообщества, в том числе и культ Митры, запрещенный и гонимый, ушли в небытие. Вместе с тем, митраизм и восточные культы внесли

значительный вклад в развитие религиозной и философской мысли европейского Запада. Примером тому является история манихейства. Влияние манихейского дуализма продолжалось на протяжении всей эпохи средневековья. Множество иранских религиозных идей, мотивы Рождества, ангелология, тема магов, волхвов, теология Света, элементы гностической мифологии будут, в конечном итоге, ассимилированы такими мировыми религиями, как христианство и ислам. Следы восточных культов можно еще обнаружить в период от раннего средневековья до Ренессанса и вплоть до эпохи Просвещения. Эти культы, включая и митраизм, изме-

нили религиозные представления жителей Римской империи и подготовили почву для прихода христианства в качестве новой религиозной доктрины западного мира. Митраизм ушел с исторической сцены, но его идеи и культовая практика унаследованы современными мировыми религиями. В Митру давно перестали верить, но отголоски митраизма живут и в современном мире. Мы полагаем, что через понимание сути идейных процессов, имевших место в истории развития древнеримской цивилизации, лежит путь к пониманию генезиса основ современного европейского общества, покоящегося на христианских нормах и ценностях.

Примечания:

- [1] Кюмон Ф. Мистерии Митры // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.126.
- [2] Volken M. The development of the cult of Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective – Lausanne, 2003 – p.4.
- [3] Volken M. The development of the cult of Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective – Lausanne, 2003 – p.8.
- [4] Ulansey D. The Cosmic Mysteries of Mithras // «Solving the Mithraic Mysteries» Biblical Archaeology Review [Internet resource: <http://www.well.com/user/davidu/mithras.html>].
- [5] Иванов П.В. К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии // III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г. – Тамбов, 1995 – с. 69.
- [6] Иванов П.В. К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии // III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г. – Тамбов, 1995 – с. 69.
- [7] Volken M. The development of the cult of Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective – Lausanne, 2003 – p.7.
- [8] Джонс Х.С. Митраизм // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.278
- [9] Джонс Х.С. Митраизм // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.280.
- [10] Джонс Х.С. Митраизм // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.280.
- [11] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – с.52.
- [12] Кюмон Ф. Мистерии Митры // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.118.
- [13] Джонс Х.С. Митраизм // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.296.
- [14] Иванов П.В. Сотериологические аспекты митраизма // Образ рая: от мифа к утопии – 2003 Вып.31, серия «Symposium» – с.85.
- [15] Козленко, А.В. Солярная теология императорского культа // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.321.
- [16] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – с.76.
- [17] Vermaseren, M.J. Mithras, the Secret God – New York, 1963 – 125.
- [18] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – с.191.
- [19] The Enciclopedia of Mithraism [Internet resource: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Mithraism>].
- [20] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – с.15.
- [21] История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни; 7 томов / ред. А.З. Белорусец [Интернет ресурс: <http://www.alexandrmn.ru/BOOKS/tom6/6tom.html>].
- [22] Cumont F. The mysteries of Mithra [Internet resource: <http://www.sacred-texts.com/cla/mom/index.htm>].
- [23] Элиаде М. История веры и религиозных идей / пер. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой и др. [Интернет ресурс: <http://psylib.org.ua/books/eliad03/index.htm>].
- [24] Vermaseren, M.J. Mithras, the Secret God – New York, 1963 – 35.
- [25] Vermaseren, M.J. Mithras, the Secret God – New York, 1963 – 56.
- [26] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – 67.
- [27] The Enciclopedia of Mithraism [Internet resource: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Mithraism>].
- [28] Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002 – 203.

Источники и литература:

1. Апулей, Л. *Метаморфозы* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.147-152.
2. Плутарх. *Помпей* / пер Стратановского Г.А. // *Сравнительные жизнеописания*; 2 тома – М., 1994 – т.2.
3. Тертуллиан, К. *О прескрипции еретиков* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.146-147.
4. Цельс, *Правдивое слово* / пер А.Б. Рановича // *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства* – М., 1990. – с.263-331.
5. Бонгард-Левин Г.М. *Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика* // *Вестник древней истории* – 2004 №1 – с.125-158.
6. Ван-дер-Варден Б.Л. *Культ Митры и солнечная теология* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.297-313.
7. Вебер М. *Социология религии* // М. Вебер. *Избранное: образ общества* – Мн., 1994. – С. 86-98.
8. Глоба П.П. *Митра – Бог Света и Разума* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.3-100.
9. Глоба П.П. *Да пребудет с нами Огонь Веры!* // *Митра. Зороастрийский журнал* [Интернет ресурс: <http://globaastra.ru/biblio-mithra-0-0.htm>].
10. Говард М. *Сучасная культурная антрапалогія* – Мн., 1995.
11. Джонс Х.С. *Митраизм* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.267-296.
12. Иванов П.В. *Сотериологические аспекты митраизма* // *Образ рая: от мифа к утопии* – 2003 Вып.31, серия «Symposium» – с.83-86,
13. Иванов П.В. *Что такое митраизм? (к вопросу о необходимости междисциплинарных связей в науке)* // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, Москва, 24 -28 мая 2005г.; 5 томов* – М., 2005 – т.2 – с.551 –552.
14. Иванов П.В. *Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики)* // *Вестник Тамбовского государственного университета* – 1998 Вып.1, сер. Гуманит.науки – с.76–83.
15. Иванов П.В. *Маскулинность и феминность в ориентальных мистериях поздней античности (II -IVвв. н.э.)* // *От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 20 апреля 2001г.* – Тамбов, 2001. – с.22-26.
16. Иванов П.В. *Распространение митраизма как проявление маскулинных тенденций в религиозной жизни поздней Римской империи* // *Вестник Тамбовского государственного университета* – 2004 Вып.4, сер. Гуманит.науки – с.64-66.
17. Иванов П.В. *Меркурий (Гермес) в культовой идеологии митраизма* // *III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г.* – Тамбов, 1998 – с.73.
18. Иванов П.В. *Sol Invictus (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии* // *III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г.* – Тамбов, 1999 – с.81.
19. Иванов П.В. *К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии* // *III Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов, Тамбов, 30 мая 1998 г.* – Тамбов, 1995 – с. 69-70.
20. Козленко, А.В. *Солярная теология императорского культа* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.314-359.
21. Купер Д. *Митрас: Переоткрытие мистерии и посвящения* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.241-266.
22. Кюмон Ф. *Мистерии Митры* // *Митра – Владыка Рассвета* / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.103-226.
23. Кюмон Ф. *Восточные религии в римском язычестве* / пер. А.П.Саниной – СПб., 2002.
24. *История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни; 7 томов* / ред. А.З. Белорусец [Интернет ресурс: <http://www.alexandrmn.ru/BOOKS/tom6/6tom.html>].
25. Фрейд З. *Введение в психоанализ: Лекции* — М., 1989.с.401-402.
26. Фромм Э. *Психоанализ и религия* // *Сумерки богов* — М., 1989 – с.157-158.
27. Элиаде М. *История веры и религиозных идей* / пер. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой и др. [Интернет ресурс: <http://psylib.org.ua/books/eliad03/index.htm>].

28. Элиаде М. Космос и история – М., 1987.
29. Юлани Д. Загадки митраизма // Митра – Владыка Рассвета / ред. А.Л. Валяев и др. [сб. статей] – Мн., 2000 – с.227-240.
30. Beck R. The Mysteries of Mithras: A New Account of Their Genesis // The Journal of Roman Studies – 1998 – vol.88, p.115-128.
31. Beck R. The cult of Mithra as it developed in the West, its origins, its features, and its origin with Mithraism Iran // The Circle of Ancient Iranian Studies [Internet resource: <http://www.caissoas.com/CAIS/Religions/iranian/Mithraism/mithraism.htm>].
32. Cumont F. The mysteries of Mithra [Internet resource: <http://www.sacred-texts.com/cla/mom/index.htm>].
33. Edwards M.J. Herodotus and Mithras: Histories I.131 // The American Journal of Philology – Oxford, 1990 vol.111 №1 – p.1-4.
34. Holding J.P. Mighty Mithraic Madness. Did The Mithraic Mysteries Influence Christianity? // Tecton Apologetics Ministries [Internet resource: <http://www.tektonics.org/copycat/mithra.html>].
35. Griffith A.B. Mithraism. Le ecole initiative [Internet resource: <http://www2.evansville.edu/ecoleweb/articles/mithraism.html>].
36. Griffith A.B. Mithraism in the private and public lives of 4th-c. senators in Rome // Christchurch – New Zealand, 2000 – vol.1, p.35-42.
37. Nock A.D. The Genius of Mithraism // The Journal of Roman Studies – 1937 – p.108-113.
38. Shandruk W.M. Mithraism in History and Archaeology [Internet resource: <http://www.mithraism.org/cgi-bin/index.cgi>].
39. The Encyclopedia of Mithraism [Internet resource: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Mithraism>].
40. Vermaseren, M.J. Mithras, the Secret God – New York, 1963.
41. Volken M. The development of the cult of Mithras in the western Roman Empire: a socio-archaeological perspective – Lausanne, 2003 – p.1-12.
42. Ulansey D. The Cosmic Mysteries of Mithras // «Solving the Mithraic Mysteries» Biblical Archaeology Review [Internet resource: <http://www.well.com/user/davidu/mithras.html>].

Митра. Римский рельеф.